[*****]

Чего ты боишься, дитя, дитя?
Эхо по перелескам, по долинам твоих долин.
Это золотой октябрь
Заговорил.
Ловишь мелодию, но какой из тебя ловец?
Сеть выходит неловкая, топкая из твоих волос,
А осенний колокол-колос из нетвоих словес
Так и прёт, и всходит, как висельник на помост,
И уже кончается на развес.
Тянутся-тянутся гласные а- и о-,
Долгие, открытые, как ладонь.
Пусть не целая жизнь, но её ИО
Входит в полную силу, как свет в огонь.

[*****]

Имена городов не имеют имён,
Не имеют силы,
Имеют плен.
Здесь уместно бы вспомнить какой-нибудь детский тлён,
Но это не всё о нём.
Города городов громоздятся по гроздьям дорог,
По ниткам проезжих частей,
Небо сжимается в серый комок
По доброте своей.
Сердце сжимается в красный комок,
Тело — в живой комок.
Над садом садов плывёт один лепесток
И тысяча тысяч стеблей

[*****]

Свет был мал.
Руки и ноги его корней
Оплетали подушку дней.
Здесь повести бы речь,
Как он рос
На перепутье рек
Как дорог,
Но мои глаза росли быстрее его высот,
Выше каждого этажа,
И вот уже каждый его висок
На уровне глаз дрожал.
Он был подросток,
Я была человек,
И возраст наш несравним.
Продавщицы в хозмагах каждый чек
Накалывали на штырь.
А он срывался и убегал
По щенячим своим делам,
Теперь иначе касаясь штор —
Одна рука здесь, другая —
Там.

[*****]

Ласочка бежит по белу
Телу, свету, полотну.
Хотя я ничего особенного не делала,
Сяду,
Отдохну,
Досаду,
Как рассаду,
Расставлю по окну.
Я — как город на земной
Земле,
А за мной
Другие выстраиваются города.
Если долго плыть на корабле,
То не будешь никуда,
Если долго жить по небу,
То и не был
Никогда.
Ласочка бежит по свету,
Как по темноте,
Как зверок по собственному следу,
Как какой-то там спаситель по воде,
Как какой-то там спасатель по песку, по
Пляжу,
Как под свитером душа скупо
Теплится сквозь пряжу.

[*****]

И пока один человек
Падает, и скользит каблук,
И ночные звёзды рассыпаются снизу вверх,
На другой земле также скользит из рук
Нитка, натянутая, как нерв.

Так в туннелях примерочных зеркала,
И лица не видно, и затылок упрям и гол,
И покуда сверху бьётся «земля-земля»,
Снизу лёд и пепел, холод, земля и шёлк.

Так сквозные рифмы метро,
И над каждой дырой горит
Алая, смоляная эм.
Сверху сварка рвётся, её карбид
Выделяет ацетилен.

[*****]

Что поделаешь: человек живой,
Он потеет, дышит, и у него
Проступает пламя вокруг него,
А эфирное вещество
Незаметным дымом вьётся над головой.
На чужом лице выступает свет,
На родном лице проступает смерть,
Скоро день наступит,
А скоро — нет.
Золотые сады распускаются из последних сил,
Городские яблоки пахнут речной водой.
Затянулся месяц. В парке лодки и водный велосипед;
Наступает время на задоринки и сучки,
Так что колет одна хвоинка в одном носке.
На ночной беседке виснут гроздья таких бесед,
Что с утра растают на языке.

[*****]

Проходит день сквозь кости лучевые,
Их белый свет. Зачем они живые?
Зачем над миром, сомкнутым в комок,
Проходит дождь, как жестяной сапог?
Она, наверно, что-то потеряла,
Он уезжать, наверно, не хотел.
Проходит лето в сторону вокзала,
Как анаграмма тела, но не тел.
А те, кто с виду даже не живые,
Они, наверно, тоже лучевые,
Поскольку тоже светят из глазниц
И освещают то, что не воскресло,
Всю эту пыль и откидные кресла,
И то, что ночевало в них.

[*****]

Человек просыпается и понимает, что ничего,
Ничего он не нажил, не прожил,
И какое-то существо
Скребёт и царапается под кожей.
Я этим занимаюсь уже столько-то лет,
И ничего впереди,
Ничего не сдвинулось с мёртвой точки,
А то, что растёт и давит в груди,
Верно, ещё цветочки.

[*****]

Полночь — не половина, но только начало ночи,
Летняя ночь мала, но она повсюду.
Если идти по свету, как по верёвке,
То до скольки я буду?
Тополь и тополица,
Пирамидальные полукровки,
Ищут, куда продлиться.

Спрячь меня голое тело,
Покажи меня миру, милое летнее платье.
Если назавтра долго что-то искать и
Трогать концом ботинка ветошь и пыль,
Асфальтовое покрытье,
Это и станет моё событье,
А после — меня изъятье.

Тёплая ночь переходит в утро,
Покуда вертится вентилятор
И фумитокс продолжает свою убийственную работу.
Летнее время летит куда-то,
Заводится с пол-оборота.

[*****]

Плоть будет белеть,
Голос будет кричать
Или молчать.
Человек будет сам себе человек —
Ни дитя и ни мать.
День закончится в половине второго ночи,
В половине третьего
Или в четвёртом часу утра.
Ты так устала, что ничего не хочешь,
Сама себе человек и сестра,
Сама себе поломойка, нянька,
Впрочем, и то, и то — не вполне.
Над городом бьёт пионерская зорька
Барабанными палками по спине.
Поспеши скользнуть между плотью и одеялом,
Там, в зазоре, как в заборе дыра,
Жизнь твоя сама себя потеряла,
Никого красивее не нашла.

[*****]

Падчерица выбирает крупу
Из целлофанового пакета:
Неверное зерно — к бренному зерну,
Каждому глазу — свою лупу,
А потом пройдёт и это,
И я отдохну.

Земляные буквы проступают на коре
Так, что дерево уже сгорело,
На дворе
Качается небесное тело,
Дети копают в песочнице,
У них куличи и паска,
У огня в дневном электрическом ночнике
Особая солнечная запаска.

Выбирает зернёную чернь, серебро, серьги, простые камни,
За окном апрель шаркает и кашляет сапогами,
А потом подойдёт ко мне,
Скажет марфа, что мария вспыхнет, как оригами.

[*****]

В воздухе серебряном и деревянном,
В эфире, по его короткой, выгнутой траве
Плыли братья каждый со своим романом
В голове.
Тени плотно сбились за спиной,
Так что не поможет ни утюжка, ни массаж.
Или так, что каждый выдох был двойной,
Как химический карандаш.

[*****]

И она просыпается и кричит ртом, полным огня,
Она кашляет и кричит, белый свитер лежит в розовой темноте,
И если Вы видите в ней меня,
То Вы, несомненно, правы, но те-
Ни веток, ни свет проплывающих мимо фар
Ничего не трогают в полой брюшной стене.
Она всё ещё помнит, как медленно тёк кошмар
Изнутри вовне.
Но уже не помнит, что именно он шепнул,
Что она ответила, и куда потом
Прокатился медный медовый гул
Между болью и животом.
И она, как ребёнок в полупрозрачной комнате,
Тщетно ищет кнопку от ночника.
В проплывающей мимо памяти
Вроде роятся ещё подробности, но уже не те-
Лесного плоского воздуха,
Набухающего воплями каждого огненного языка.

[*****]

Внутренний слышать стук,
То за музыку его, то за азбуку принимая,
И ничего более не хотеть.
Так дугой изогнутая прямая
Всё равно скорее линия, нежели твердь.
И нога, опущенная с кровати,
Наугад находит не тапочку, не каблук,
И горло, обученное дышать и
Дышать, замирает совсем не вдруг.
Замерцает тело совсем не белым
И не самым радужным из цветов.
Погляди, как всё, что ты до этого думал, говорил, но не делал,
Распускает себя на манер цветов,
И плывут по комнате, незнакомые обонянью,
Эти тяжёлые, зимние, но только не снежные, лепестки
По всему бесправию, по незнанью
По недо-
Умению скомканной левой руки.

[*****]

памяти Марии Вирхов

Она не умеет ни шить, ни вязать,
Ни дать, ни взять,
Но острые спицы её колёс
Мелькают, как благодать,
И сердце бьётся — колись, кались
От сюда и добела,
И небо втянет её в иглу,
Как будто она была.

[*****]

Точно люстра под разными потолками,
В глубину души входит земля, толкаясь,
И, заимствованными сочась лучами,
Верхний свет уже не включает.
Так и ходишь-ходишь, перебирая,
Сверху леска вертится, как костяная;
На рентгене светится кружево твоего скелета
И ещё то, что светится через это.

[*****]

В дом, из которого вынесли мебель,
Врывается свет
И гуляет по голым клеткам,
Как по большим дворам.
Мы брали в руки каждую вещь
И сводили её на нет,
Брали каждую жизнь и
Сводили её, как чужой чертёж.
На своей руке ничего хорошего
Не прочтёшь
По чужим губам.
Все дома знакомы, а этот уже не дом,
Он как тряпка, ни тела в нём,
Ни костей.
Не того порядка
Пол не выметен, человек смятён,
Мечется по стене, как тень.

[*****]

Отрывался от души
Лёгкой плоти мотылёк,
Белой плоти легкокрылой
Тяжко раненый зверёк.
Положи мя на ладонь
И накрой другой ладонью,
Побежим по Заоконью
Против солнца
За Тобой.

[*****]

Внутренний виноград выходит бродить по коже.
Одни этажи со смеху закатываются под ноги,
Другие — смеются над головой.
Они были так похожи,
Что в конечном итоге
Стали не тобой и мной,
А животом и спиной,
Плоскими, одинаковыми до дрожи,
До боли, ноющей, скрежещущей, не зубной.

И пока один расцветает в себя от страха,
Другой — не более, чем соломина, выстилающая гнездо.
Да и вообще — не стоило врать, нужно было остаться
До утра, до сумерек, вообще до
Всего, что будет, всего, что будит,
Что гудит и бухает в гулкий ушной барабан.
Надо было остаться и посмотреть, как люди
Выходят на улицу, и среди них — ты сам.

Семимильная речь покатывается под сапогами —
Это полузимний-полуосенний гравий,
Ещё не успевший покрыться льдом.
Не вполне ясно, как отличить тех, кто в своём праве
От тех же уже не в своём.
Как различить существо в одежде
И существо под одеждой,
Но ещё запутанное в своих и чужих речах?
Прежде
Всего следует вслушаться, как в плечевом суставе
Дёргается рычаг;

А потом вдруг увидеть улицу — всю за границей взгляда,
Услышать молчание — всё за границей рта,
И понять, что этому уже ничего не надо,
А тот — уже та-
Ющая поверхность,
Блики, сполохи, сплошные слепые пятна,
Негородская уже черта.

[*****]

Дверь на улицу отворится прежде, чем скрипнуть в дом,
Пусть подъезд — не жилище, но всё-таки там теплей,
Чем в населённом пункте, под вечер совсем пустом,
Где население сами себя согрей.
Самозванец придумал имя и называет им
И себя, и плоть свою, но душа ускользает из дырки рта,
А мы придумали наше время и по нему скользим,
А вокруг какая-то вечность и мерзлота.
Согревай и ты короткими выдохами насквозь.
За спиной дыхание — даже уже не пар.
А то ещё так бывает — какая-то ветка заденет вскользь,
И ошарашено смотришь, куда попал.

[*****]

Кто не был никогда богат
И так всегда дышал,
Что певчий запах, как набат,
Вокруг него дымил,
Тот, как остроугольный лес,
Как золотистый пёс,
Пойдёт вокруг себя вразнос,
Как дорог, но не мил.
С той стороны земли река,
А с этой только облака
Снуют между могил.
Кто мил, но недруг и не враг,
А как пружина без часов,
Как писк неслышимых частот
С той стороны земли,
Тот выйдет сквозь ушной замок,
Подует сквозь глазную щель,
Как тень вещей и вещь теней,
Как был, пока не занемог
Быть и дышать. А сверху Бог —
Теперь уже ничей.

[*****]

Я не сторож брату моему,
Не швец, не жнец.
Я не брат брату моему,
Я обрат ему и послед,
Слюдяная плёнка, отвергнутая утробой.
По углам планеты
Сторонятся своих орбит,
А из них
Какую поймай-попробуй,
Леденец-близнец,
Не звезда, но её двойник.
Я ли не сторож брату своему,
Не вахтёр в камуфляже,
Не вохровец с духовым ружьём?
Ранним утром свет огибает тьму,
Но даже
Так не обходит-
Ся без неё.
Парикмахер зеркало поднесёт к затылку.
Что там видит брат? В небе его глаза.
А стена сама примыкает себя к застенку,
Чтоб не выпустить то, что за.

[*****]

Раскинулись здесь детские сады
Среди полей бетонных жестяных,
И проступают детские следы
Сквозь них;
И преступают мёртвые следы
В живых скопленьях мела и слюды.

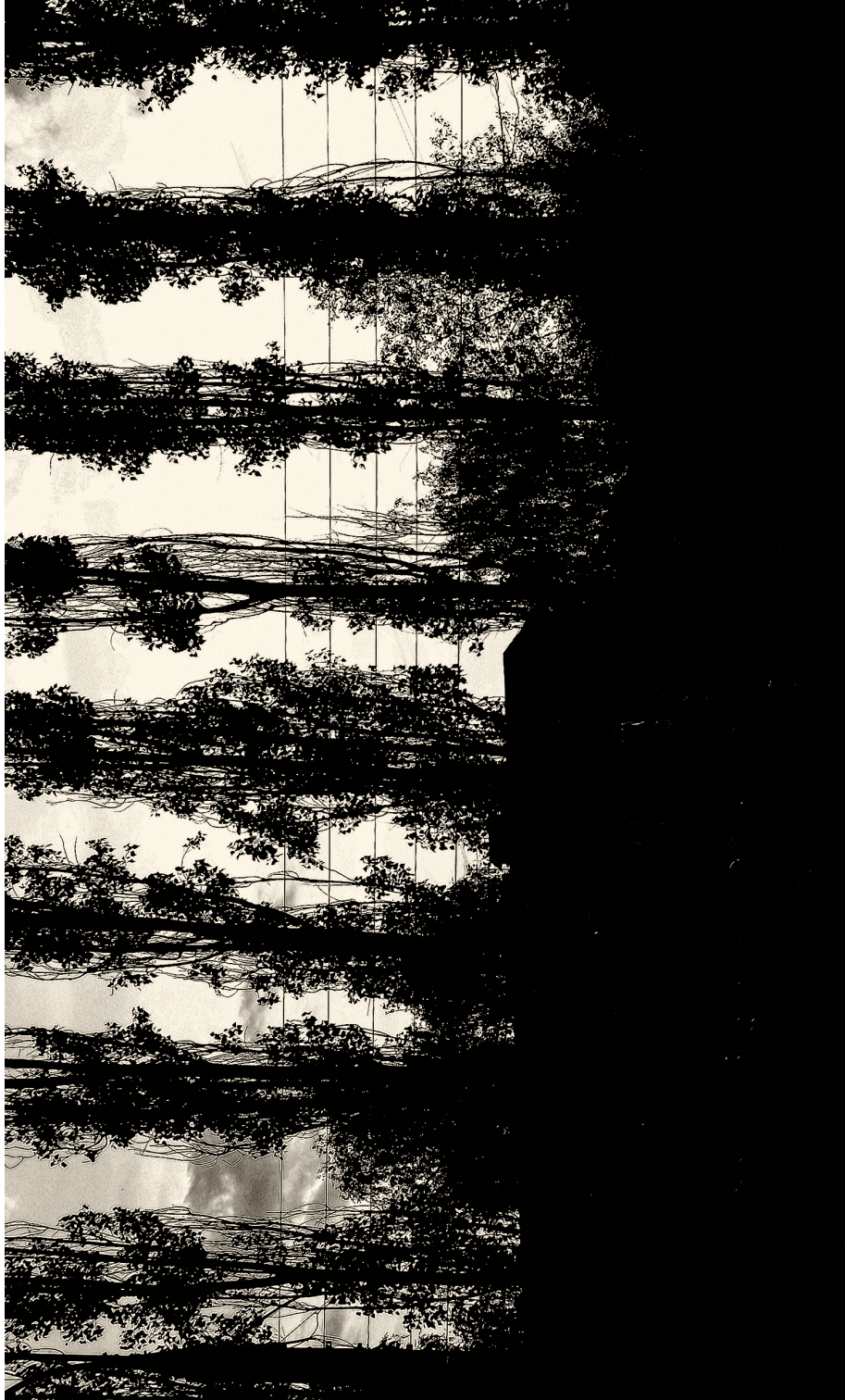
Ты назови меня по именам,
Перебирая, точно на затылке,
Малейшие шершавые запинки
С дыханием напополам.

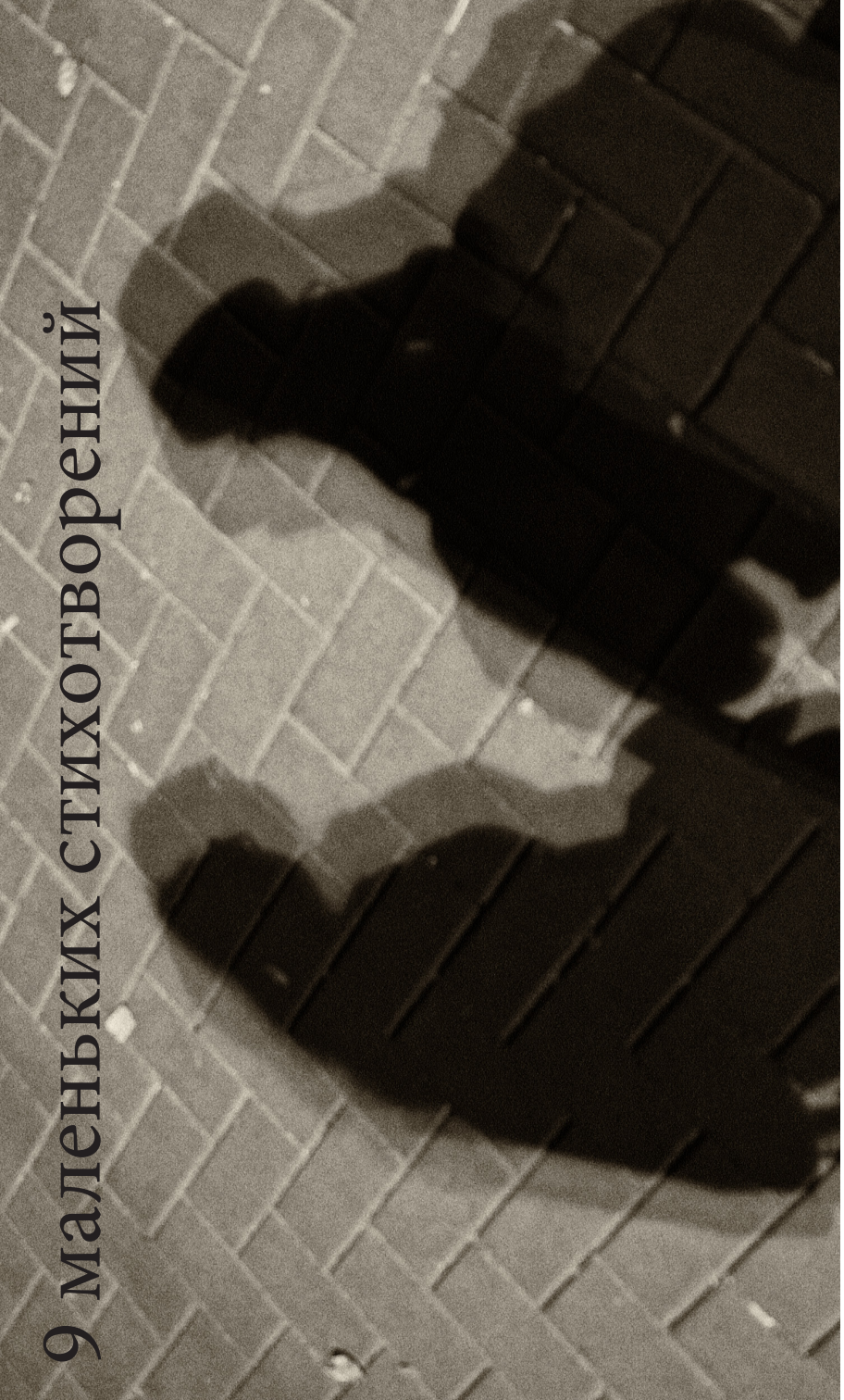
[*****]

Из нашей крови, тонкой и слепой,
Они выходят на свет толпой,
Пока мы обувью ступней
Месим глину
И сами оседаем в ней;
А вынь из Божьей твари позвоночник,
И она, глядишь, не поползёт по дну,
Но распластается в длину,
Как подстрочник.

[*****]

Умру ли я? Умру.
И над могилою
На Красной Этне,
Предположим,
Уронит белую звезду
Тополь,
Срубленный под моими окнами
В 2003-м году.

9 маленьких стихотворений

[*****]

И горела звезда золотая
Не во лбу, а на каждом виске,
И на каждом шагу залипая,
Что-то билось в вечернем стекле.
Как ошмётки апрельского снега
На асфальтовых почвах страны,
Долго таяла тень человека
Со стены к основанью стены.

[*****]

Свет полулунный, полуночный, полу-, так сказать, свет,
Или сказать не так,
Потерять отголосок, оттенок, тень.
Пусть это будет на полный век
Самой большой из твоих потерь.
Или сказать не так?

Белый летун не летал, листал
Свой мотыльковый вид.
Это не в этом сезоне, но так
Же тело твоё горит.

[*****]

Этот белый размытый овал фонаря
Поднебесный качается зря
Всю замёрзшую землю под ним и над ним
Как цветок распускается нимб.
Здесь объекты причислены к лику святых —
Эти бывшие дерево, камень, песок
Не хотят уходить, но хотят оставаться, как ты,
А бежит электрический ток.

[*****]

Вот бисерные ангелы в Раю
По небу рассыпают плоть свою
И, заново собрав её на нитку,
Становятся собой и не собой;
И это всё помещено в открытку
С подписанной обратной стороной.

[*****]

У него в кармане ледяная рука,
Ссаженные костяшки, ветер знобит деревья.
Это вопрос веры или доверья,
И мера не велика.
Или это всё музыка, музыка, лёгкая болтовня,
Трёп белья на верёвке, колкие поколоченные ковры.
С каждым слоем всё больше меня
Остаётся без кожуры.

[*****]

Из зимнего сегодня вспоминая
Засушливое летнее вчера,
Ты удивляешься, как лёгкая, земная
Гудела поднебесная пчела.
Где имя было, там его не стало.
Нет человека — нет и пьедестала,
И зыбкое начало чьей-то тени
Коробит землю в поисках растений.

[*****]

В декабре все травы вымерзли до корней,
До земли, до воздуха, до себя
Ли этой женщине, если с ней
Разговаривают всегда?
Устрашительны речи, хотя имам
И раввин обещали с экрана не ждать конца,
Но сложись решёткой, и свет так мал
С той стороны лица.

[*****]

Люди меняют свои дома, изменяют черты,
Вот и хрущёвка неузнана из-за угла,
А глаза закроешь — из черноты
Проступает зрение, раскалённое добела:
Здесь стояла лесенка, здесь — песок,
Под окном пивнушка и белый шум.
Поволчи, молчонок, поворотись, сынок,
К ночи передом, очень тебя прошу.

[*****]

Окончен урок литературы.
Половина жизни вымирает как класс.
Ты опираешься на стул и
Отсчитываешь: вот началась
Третья четверть, и теперь только хуже —
Вниз по лестнице с недоброй, недобранной высоты.
Странно, на подоконнике какие-то лужи,
Хотя здесь забыли полить цветы.

[*****]

Храни нас, некрасивых и немолодых,
В твоих ладонях узловатых
И некрасивых, и немолодых.
Куда мы денемся на запятых
Из виноватых?

На небе — точки, точки и тире,
В воздушном тире,
В праздничном припадке.
Всё плотное, как водится, тебе,
А нам — осадки.

Оса и шмель, и прочая трава —
Что там ещё томится в арсенале?
Храни нас, как предметы и слова,
Под именами.

[*****]

Вот взгляд выходит из себя
И обращается в другого человека,
Находит в нём изъяны и щербины,
Теряет в нём свои брильянты и глубины.
Я, хочешь, тоже стану этот взгляд,
И, меж ресниц и капель провисая,
Вся в голове твоей вдруг окажусь босая?
Босяк, бедняжка, чуждый элемент,
В твоём лице лишившийся примет;
Предмет одушевлённых изысканий.
Так грани на кристаллике глазном
Вмещают мир, но не вмещают дом,
А если и вмещают, то — местами.

[*****]

День, едва начавшись, уже не жилец.
В нежном желе его вязнут ночные бабочки, утренняя пыльца.
Даритель се щедрый, робкий, для чьих колец
Не найдётся пальца.
А если найдётся, то в розовой, рыжей шерсти
По нижней фаланге, с нечистым обломанным ногтем,
С указательной прямотой.
Звучит «Прости»
Повелительно, как «Постой».
Но ты не стой, не стой, девятый-десятый час,
Прежде густой и вязкий, а нынче — совсем густой.
В пластилиновом свете лампочки
Как ты бледен, мой чёрный день,
Моё золотое сердце, у тебя испарина, ты выдохся, ты устал,
Ты уже не тот.
Между стен и улиц и улиц ты течёшь,
Как если бы между скал
Просочился пчелиный пот.
У меня на плече засыпай, бедняжка, нищенка,
двурушник, предатель, нет на тебя суда;
Вдоль фонарей качаются электрические сады,
На трамвайной ветке утренняя звезда
Отражается от ночной звезды.

[*****]

Персонаж пейзажа, выходя за рамки,
Оставляет долгую тень на память.
Верхний свет с левым углом картинки
Перемешивается пластами.
На полях остаются нервные отпечатки,
Это что-то вроде родимых пятен.
Целый день, отразившийся от сетчатки,
Вдруг становится непонятен.
У него за рамками, за полями
Тоже жизнь или, скажем, та же.
Пачка смятая брошена на поляне…
Или нет, ничего не скажем.

[*****]

1.
На свалке ветер играет
На пианино.
В том, что нет никакого Рая,
Моя тень меня обвинила.
Все, говорит, пройдут, как один
Или двое,
Но куда деваться музыке после винила,
Воину — после воя?

2.
Всё ли растёт под плёнкой,
Или только душа и тело,
Только земля и воздух,
Только тень и её дом,
Стоящий к ней под прямым углом?
Каждый послед облекается подоплёкой,
Каждое дно — вторым дном.
Пруд зарастает травой и ряской,
Городские птицы вымерли и сгорели.
Каждый день вглядывается в себя с опаской —
Всё ли на самом деле?

3.
И они верили в белую сажу, в прозрачный смог,
Оседали запахи — каждый в своём дворе,
Солнце оборачивалось вечером на восток,
Забиралось на минарет.
Земля поворачивалась к лесу одним плечом —
Узловатая грация, крепкая красота.
Они говорили, что на ней нет
Креста
И ни на чём.

[*****]

Невидимые глазу существа
Бегут по краю света,
Как по краю глаза.
И это тоже жизнь, хотя едва-едва
И вся не сразу.
Неслышимые воздуху слова
Цветут с той стороны
Картонной черепной коробки,
А время разрывает нас на тряпки,
Как старые рубахи и штаны.
Заштопан стыд, а что ему стыдиться,
Когда он весь вовне, а совесть вся внутри?
И вот ты снова гол, как птица
С прозрачным оперением. Смотри,
Как внешний мир повсюду наступает,
Переступает на окно с окна,
Как полукружья световой рекламы,
И тоже весь снаружи, как она.

[*****]

Вдох бьётся о выдох,
Как борт о волну,
И слои эфира,
Как летучие братья,
Снаружи этого
Касаются, не касаясь.
Они идут к поднебесному дну,
А страх и старость
Их дёргают, как струну.

Позвоночники мира, выгнутые дугой,
Сложенные вместе, составляют порочный круг.
Внутренняя дорога внезапно оказывается недорогой,
На один глоток и другой испуг.

Испускает дух
Свои щупальца, как ростки,
Точно схема метро, покрывает мир.
Всё кругом последнее, как прости.
Присмотри за ним.

[*****]

И гаражи, и улица пустая,
Покуда, возвращаясь из гостей,
Себя снаружи медленно листая,
Ни перечислишь жилок и костей.
Косится свет из-под фонарной тени,
Ты весь в себе, но вместе с тем
Вдруг замечаешь, что остаться в теле
И в темноте не может тень.
Скрипит подъезд, и пенье домофона,
И лестница, и серое окно.
Так за колонной движется колонна,
Но подпирает небо всё равно.

[*****]

Вот стена податлива, как пластилин,
Надави, и ты сдвинешь её плечом,
Этот пол кто под ноги постелил,
Верно, и не думал ни о чём таком.
Задохнись этой мятой
Скомканной простынёй,
Это тоже бельё, значит, тоже исподний стыд.
День девятый
Переходит в десятый, потряхивая мотнёй
Там, где солнце над ним стоит.
Там, где ёлки стоят у больничных стен,
Пациент не выглянет из окна.
Поправляешь ошибку, поскольку она постель
Для другого сна.

[*****]

День прошёл недолгого торжества,
И пока жива жилка под подбородком,
Редкая птица помнит свои права,
Ощущает себя неким снежным поползнем, зимородком.
Это снова на пол- бесконечных года,
Плюс-минус туда-сюда,
Это стрекочет природа
И тянет свои провода,
И сама садится, лапки поджав, на них,
И ни о чём не мыслит, кроме своих двоих.

[*****]

И я говорю ей, что я — только лист,
Только дву-
Стороннее измерение.
Жгут покрышки, и запах вкручивается в голову,
Осторожный, удушливый, как намерение.
Неужели всё это — слова, рассыпающийся горох,
Бусины на резинке или на леске —
Когда-нибудь станет поверх голов,
Как волна становится на песке?
Это всё дело техники, опыта, приобретённый стаж,
После определённой точки не бывает определенных точек.
Лифт поднимается на n+1 этаж,
Но пассажир уже ничего не хочет.

[*****]

Лишь ослабь
Объятья, и существо
Ускользнёт отсюда, и его
Не вернёшь ни именем, ни рукой.
Молчаливый ветер, громкий ночной покой.
Я ищу себя между комнат и мостовых,
Меж заброшенных строек и строек ещё живых.
Непочтовая марка, дружеская ничья,
Электронная книга, международный язык —
И даже память едва-едва
Стала моей, как уже совсем
Светлая и ничья.

[*****]

Щёлкает и стрекочет близнечик под кожей, костью.
У кого-то Юг и Восток, дело остановилось,
Здесь даже снега, мёрзнет один затылок
Воздухом по стеклу, тенью по редколесью.
Бегали и искали, трогали, не глядели,
Был весь мир пронизан, как холодом, проводами,
Тяжела не шапка, но кого-то вечером провожали,
Ускользали внутрь фонари и тени.
Под глазами небо, эти круги и тремор,
И ещё слова, и чего там помнить?
Под пальто и шапкой всем некрасивым телом
Сам себе близнец, и дитя, и совесть.
Но пока он дома, скрипит и тучнеет карта,
Синевой воды густеют мосты и реки.
Не ворошит, но помнит. И всё-таки как легка там
Неприподъёмная тема с самой изнанки речи.

[*****]

Речь становится
Холодней на бегу
От остановки к остановке,
Парообразная на сгибе губ
И кристаллическая свыше.
«Л горловое» глотается,
Само себя не слышит,
И я его услышать не могу.
Так логопед иной
Поставит речь и так её поправит,
Что вот она стоит
Прямая, и кавычки
Болтаются, как сумки, по бокам.
Несовершенный вид
Её и дикие привычки
Уже не так существенны,
Как бы хотелось нам.

[*****]

Из человека дом растёт корнями
И ветками, и всем сухим дощатым естеством,
А мы не люди, и между домами
Скорее проступаем, чем живём.
Стекают блики по автомобилям.
А мы? Мы — тени, мы растём из ног,
И если мы кого-нибудь любили,
То медленно и верно, как песок
На зимних улицах, неместный, неуместный,
А ноги всё равно танцуют и скользят,
Как вестовой течёт уже не с вестью,
А без вести куда-нибудь назад.

[*****]

Напиши на обратной стороне адрес, напиши имя —
Самый короткий день на окраине декабря.
Мы вдыхаем летучие вещества, и с ними
Выдыхаем совсем немного времени
И тепла.
Элегантные лёгкие, очаровательное внутреннее строенье,
В его разноцветных окнах включается и выключается свет,
Посади меня на руки — я ведь Твоё растенье,
Погляди, как красиво с вет-
Ок падают зимние листья, созданные игрой звука и тени
От остальных планет.

[*****]

Внутри распадается стержень
Своей оси.
Пососи,
Говорят, а потом
Всё притворится здешним,
Ментоловым маревом под языком.

Леденцы-близнецы-театральные-барбарис,
Карамельная патока, мармаладный лёд.
Не борись
С Иаковом
И всё пройдёт,
Станет одинаковым
Как верх и низ.

В облаке отражается весь наземный снег —
Сладкая вата,
Воскресный парк.
Торовато
Высвистят всех наверх
Перероcток и перестарок,
Застрявшие между век.

[*****]

Лёд зимой стоял, а летом бежит река,
Так же после то, что бежит — встанет.
А что со мной станет,
Когда меня не станет,
Я не знаю пока.

— Пока, пока, — кричит небо облаку,
Пока то проливается, улетая,
А я иду по земле, по её суховатому облику,
И она подходит мне, как влитая.

[*****]

Уже хороший май свернулся вдоль цветенья.
Мир, полный красоты и в красоте пустой,
Как бы одежда, но её одень, и
Ты всё равно останешься собой.

Тебя сжигает время беспощадно,
Ты голый лепесток, ты веточка в огне.
Сухим кивком ответит на прощанье
Та маленькая девочка в окне,

Та женщина, почти совсем большая,
Но с тонкой костью, с голой прямотой,
В ту комнату себя перемещая,
Где белый свет мешается с листвой.

[*****]

Как женщина, несущая своё
Исподнее на самой грани плоти,
Идёт, выходит, речь. И вот из-под неё
Шершавое и жалкое выходит
Не слово, нет — присловье, пустячок,
Не поговорка даже — оговорка,
И разговор по-прежнему течёт,
Но всем теперь по-новому неловко.
Виновник, как виновник торжества,
Уже не рад, что он на свет случился.
Все прочие ненужные слова
Сбиваются в предсердии ключицы.

[*****]

Вот скважина таится неземная,
Бьёт из неё горючая вода.
Толпящиеся в воздухе не знают,
Зачем они, и не узнают никогда.

Расщелина, вся — внутренняя область,
Там нет меня ещё, кого-то нет уже,
И только внешний голос
Визжит на тридевятом этаже.

Мне страшно, страшно, я себя не вижу:
Глаза закрою — пусто,
Открою — никого.
Всё это безыскусно, как искусство,
И неестественно, как естество.

[*****]

Ах, как она была легка,
Тонка, как кость,
А что теперь?
Мой возраст вырос перед ней,
В неё костями врос.
Он перед ней, а перед ним
Она, как отчий дом.
Но ведь она — не отчий дом
И даже мой не дом.
Не надо драм, и пантомим
Оставим на потом.
Вот зеркало её отца,
Но в нём не видно ни лица:
Она стоит лицом к стене
С одним затылком на стекле.

[*****]

Такая чёрная тоска
Тебя длиной всех рук охватит,
Как будто она встала сзади
На два потянутых носка.
Не вырывайся из объятий,
Не вырывай из них страниц,
Вот так и стой, огнём объятый
На голом льду. И глядя вниз,
На доски пола, а не в яму,
Дыши и снова не дыши
Такими белыми губами,
Как будто все уже ушли.

[*****]

Какой-то прозрачный нынче пошёл контингент,
Как будто земли придорожная кромка
И главное всё на глазах.
Под ногами всё сухо, хрустяще и ломко,
Как в нескольких первых разах.

Какой-то — нет, призрачный, но не бесплотный.
Холодный, холодный
Мелькает знакомым теплом,
Как дым над знакомым углом.

Стояли крестами
По ходу гортани,
А стали солдатами в наглой броне,
Как будто в окне
Расцветают герани,
Цветущие вовсе не в этом окне.

[*****]

Белокурая бестия в самом окне окна
Засыпает на краешке полусна.
Белокурая бестия? Нет, отчего же так?
Просто, скажи, затылок, сдвинутое плечо,
И за окном окна золотой пятак
Подсматривает через плечо.
Вы ли ночные бестии, твари дрожащих стен,
Пустотелые окна, ведущие по стене?
А секунду назад здесь ещё блестел
Свет полутёмный, невидимый в полутьме.

[*****]

Она выходит на улицу, как на панель.
Собственно говоря,
Это и есть панель.
Под фонарём свет фонаря
Качается, точно цель.

Точно мель,
Так что не сдвинуться, не сойти,
Судорога сковала оба твоих плеча.
Это не якорь, не суетись,
Не отвечай.

Эти взрослые женщины вязнут одним каблуком в снегу,
Другим — в раскалённом асфальте через полгода.
Времени больше нет, но на пару секунд
Она отворачивается и верит в Бога.

